

# Elena Viktorovna Safronova

---

## "Сыны отражены в отцах": история взаимоотношений отца и сына Глоков

---

Studia Prawnoustrojowe nr 26, 237-254

---

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

**Elena Viktorovna Safronova**

Юридический институт

Белгородского государственного университета

## **«Сыны отражены в отцах»: история взаимоотношений отца и сына Блоков**

Мало кто знает, что великий русский поэт Александр Блок имеет непосредственное отношение к юриспруденции. Он учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и был сыном талантливого ученого-государствоведа, одного из основоположников социологически ориентированной школы правоведов, профессора и декана юридического факультета Варшавского университета, философа, человека «аристотелевской эрудиции» Александра Львовича Блока (1852–1909).

В отечественном блоковедении есть ряд небольших работ, авторы которых затрагивали историю взаимоотношений отца и сына, пытались определить степень и характер влияния Блока-отца на Блока-сына<sup>1</sup>. Однако специальных работ, посвященных этой проблеме нет. Кроме того, отсутствуют исследования о «юридической» аспекте в жизни поэта, нет и работ, посвященных анализу его политических воззрений. Именно с отцом, профессором А.Л. Блоком, поэт обсуждал вопросы юридического образования, касался политических проблем, остро стоявших в начале XX века. В данной статье дается комплексный анализ взаимоотношений отца и сына.

Отношения с А.А. Блока с отцом складывались непросто. После непростого развода Александра Львовича Блока с Александрой Андреевной Блок (в девичестве Бекетовой) встречи с сыном были редкими, но регулярными во время зимних и весенних университетских каникул. Уже взрослый Блок в своей автобиографии написал: «Я встречался с ним мало, но помню его кровно»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В частности: В.П. Енишерлов, *Жизнь без начала и конца: За строками «Возмездия»*, Интернет-журнал «Наше наследие» 2005, № 75/76, [online] <<http://nasledie-rus.ru>>; В. Скуратовский, *Поэт Блок: между отцом и тестем*, «Столичные новости» № 3 (294), 27 января – 2 февраля 2004; В. Новиков, *Александр Блок*, Москва 2010, с. 7–10; 190–194; *Письма отца к Блоку (1892–1908)*, предисловие, публикация и комментарии Т.Н. Конопацкой, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство*, т. 92, кн. 1, «Наука», Москва 1981, с. 249–307 и др.

<sup>2</sup> А. Блок, *Автобиография*, [в:] А. Блок, *Собрание сочинений шести томах*, т. VI, «Правда», Москва 1971, с. 91–92.

Видеться с сыном Александру Львовичу не мешали. «Он приезжал на праздники каждый год, – вспоминала М.А. Бекетова. Приходил к Саше часто, сидел в детской, но ни любви, ни симпатии мальчику не внушил»<sup>3</sup>. Такая негативная оценка встреч отца с маленьким сыном вполне объяснима. Она совершенно не свидетельствует о невнимании отца. Трудно представить, что взрослый неулыбчивый человек мог понравиться избалованному и неуправляемому ребенку, каким был Александр Блок. Скорее, напротив, это говорит о том, что Александр Львович любил малыша, скучал, томился одиночеством и искренне раскаивался в произошедшем. Кроме того, встречи с ребенком проходили в доме Бекетовых, где Александр Львович не мог чувствовать себя комфортно, его здесь не любили и относились предвзято. Неприязненное отношение Бекетовых к А.Л. Блоку не могло не передаться мальчику.

Александр Львович старался наладить отношения с семьей, он приглашал бывшую жену с ребенком в гости в Варшаву. «Милая, хорошая, самая лучшая мамуся! – писал он Александре Андреевне. – Вы давно доказали свою способность к полному самоотвержению из-за сына (он тем выше, что Вы как будто, даже отрицаете это!), – докажите же еще, что можете действовать вполне самостоятельно (как иногда утверждали?) Приезжайте с Сашурой осенью в Варшаву: я Вас устрою, если хотите, совершенно отдельно от себя, со всеми удобствами – можете взять с собою няню и еще кого-нибудь. Здесь Вы будете более, чем где-нибудь, независимы и – у себя дома»<sup>4</sup>. Ответа на это письмо Александр Львович не получил.

С самого рождения сына, ведя более чем скромный образ жизни и отказывая себе в малом, Александр Львович всегда щедро материально помогал Александре Андреевне и мальчику. Его письма бывшей жене, сыну, родственникам говорят о том, что его всегда интересовала судьба ребенка. Соглашаясь на развод, Александр Львович выдвинул ряд условий. Он требовал, во-первых, возможности регулярно навещать его, во-вторых, подробной периодической информации о жизни сына, в-третьих, вероятности брать его с собой на короткое время<sup>5</sup>.

Семья Александра Львовича и особенно его мать тяжело переживали его разрыв с Александрой Андреевной. Племянница А.Л. Блока Софья Николаевна Качалова (Туголмина) (1880–1967), дочь его родной сестры О.Л. Качаловой, вспоминала: «Хоть мы оба жили в Петербурге, однако семьи наши не бывали друг у друга: наша бабушка, Ариадна Александровна Блок, которая жила с нами, не могла простить матери поэта ее уход от Александра Львовича, ее обожаемого старшего сына, и отношения были порваны»<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> М. Бекетова, *В цепях тягостной свободы...*, «Роман-газета» 2005, № 2, [online] <[www.lrono.ru/proekty/rg/rg\\_022005.html](http://www.lrono.ru/proekty/rg/rg_022005.html)>.

<sup>4</sup> Письмо А.Л. Блока к Александре Андреевне от 10 апреля 1888 г. Неизданная переписка Блока, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 280–281.

<sup>5</sup> Там же, с. 280.

<sup>6</sup> Александр Блок в воспоминаниях С.Н. Туголминой, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 293.

Неизвестно как часто в раннем детстве маленький Саша виделся с бабушкой и родственниками по отцовской линии, но за его развитием и успехами следили. О нем знали не только старшие представители семьи Блоков (бабушка, дяди и тетья), но и его маленькие двоюродные братья и сестры. Так, с двоюродной сестрой Софьей Николаевной Качаловой он стал переписываться еще с 7 лет<sup>7</sup>. 25 июля 1888 г. бабушка поэта Ариадна Александровна Блок писала из имения Хвалевское в Новгородской губернии, где семья Качаловых любила проводить лето: «Вообще живется тихо – барышни немного скучают. Соня занимается музыкой, а Оля ведет большую переписку – пишет ее кузену, внуку моему Сашке, от которого тоже получила уже два письма»<sup>8</sup>. Георгий Петрович Блок (1888–1962) – двоюродный брат Саши, сын Петра Львовича Блока тоже заочно был знаком с юным поэтом. «В раннем детстве, – вспоминал он, – мне приходилось слышать, что существует где-то в Петербурге двоюродный брат Саша, умный мальчик, издающий в гимназии журнал»<sup>9</sup>.

Сближение А.А. Блока с родственниками по линии отца произошло в середине 90-х годов, когда в Петербург, после долгого отсутствия, опять переселилась семья сестры Александра Львовича – Ольги Львовны Качаловой. С 1890 по 1895 гг. Качаловы жили в своем родовом имении Хвалевское в Новгородской губернии<sup>10</sup>.

Поэт появился в доме у тетки в 1895 г., позднее стал бывать и в семье Петра Львовича. «Семья Качаловых была большая, здоровая, веселая и очень русская. В ту пору она по-весеннему цвела. Этим цветением и шумом Александр Александрович [...] был, по-видимому, захвачен»<sup>11</sup>. В письме к отцу Александр Блок писал: «Теперь я довольно часто бываю у Качаловых (по субботам), где все со мной очень мило и любезно. Близко познакомился с кухнями и постоянно провожу с ними время»<sup>12</sup>.

Здесь же из Варшавы два-три раза в год приезжал и Александр Львович. Останавливался он в доме сестры. «Ясно помню его удивительно красивое лицо, – вспоминала племянница А.Л. Блока Софья Николаевна, – немного напоминающее лицо Гейне, всегда грустные, куда-то устремленные глаза и тихий, красивый, но однотонный голос. Часто он садился за рояль и играл по памяти Шопена (любимый его композитор), а затем декламировал Мицкевича. По вечерам у него бывали длинные и грустные разговоры бабушкой, после которых бабушка всегда плакала»<sup>13</sup>. Здесь же Александр Львович встречался с сыном, а когда уезжал, просил своих родственников информировать о нем.

<sup>7</sup> С.Н. Тутолмина, *Мои воспоминания об Александре Блоке*, [в:] *Александр Блок в воспоминаниях современников в двух*, т. I, «Наука», Москва 1980, с. 91.

<sup>8</sup> Цит. по: Д. Семенов, *Рядом с великим поэтом*, «Ленинский путь» 30.08–14.09.1988.

<sup>9</sup> Г.П. Блок, *Из очерка «Герои возмездия»*, [в:] *Александр Блок в воспоминаниях...*, т. I, с. 96.

<sup>10</sup> С.Н. Тутолмина, *Отец и сын Качаловы*, «Наше наследие» 2010, № 6, [online] <[www.nasledie-rus.ru](http://www.nasledie-rus.ru)>.

<sup>11</sup> Г.П. Блок, *Из очерка «Герои возмездия»*, [в:] *Александр Блок в воспоминаниях...*, с. 96.

<sup>12</sup> Ст. Лесневский, *Бываю у Качаловых...*, «Наше Наследие» 2010, № 6 [online] <<http://www.nasledie-rus.ru>>.

<sup>13</sup> С.Н. Тутолмина, *Мои воспоминания об Александре Блоке*, [в:] *Александр Блок в воспоминаниях...*, т. I, с. 91.

С 1895 г. он начал переводить деньги на сына своей матери, вероятно, надеясь сблизить Александра со своими родственниками.

Ариадна Александровна до самой смерти, выполняя просьбу сына, подробно описывала ему встречи с внуком<sup>14</sup>. В 1900 г. Ариадна Александровна и Ольга Львовна умерли, встречи и праздничные посиделки в доме Качаловых прекратились. Письма с веточками о Саше стали приходиться из семьи Петра Львовича, которому он теперь переводил деньги для сына<sup>15</sup>.

Вероятно, во многом благодаря встречам с отцом и его влиянию для продолжения обучения выбрал А.А. Блок именно юридический факультет. В 1898 г. он закончил гимназию и поступил в университет. В письме к отцу от 18 октября А.А. Блок написал: «Теперь своей жизнью я очень доволен, особенно тем, конечно, что развязался с гимназией, которая смертельно мне надоела, а образования дала мало, разве „общее“. В Университете, конечно, гораздо интереснее, а кроме того, очень сильное чувство свободы, которую я, однако, во зло не употребляю и лекции посещаю аккуратно»<sup>16</sup>.

Александра Львовича интересовался успехами сына, при редких встречах он много говорил с ним. «Помню, как Саша в те ранние годы встречался у нас со своим отцом, – вспоминала непосредственная свидетельница их общения Софья Николаевна Качалова (Тутолмина). – Отец любил его, расспрашивал об университетских делах, и они подолгу просиживали рядом за столом. Саша, прямой, спокойный, несколько „навытяжку“, отвечал немногословно, выговаривая отчетливо все буквы, немного выдвигая нижнюю губу и подбородок. Отец сидел сторбившись, несколько перебирая часовую цепочку или постукивая по столу длинными желтыми ногтями. Его замечательные черные глаза смотрели из-под густых бровей куда-то в сторону. Иногда он горячился, но голоса иногда не повышал»<sup>17</sup>.

Общение продолжалось и в письмах, где отца интересовало все: и здоровье, и интересы, и увлечения, и занятия, и успехи сына. В этот период их переписка была наиболее активной. Александр Львович пытался привлечь внимание сына к юриспруденции, к тому, что интересовало него самого. В годы обучения Блока на юридическом факультете он не только пристально следил за его успехами, но и давал советы, посылал свои статьи и лекции, обсуждал лекции, прослушанные сыном в университете.

Так, в письмах осенью 1898 г. Блоки обсуждали программу и стиль преподавания различных профессоров юридического факультета Петербургского университета. «Из лекций, – сообщал отцу А. Блок, – меня интересует история русского права, благодаря, вероятно, Сергиевичу, который читает популярно,

<sup>14</sup> Письма Ариадны Александровны Блок к А.Л. Блоку (1887–1889 гг.). Неизданная переписка Блока, [в:] *Александр Блок: Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 280.

<sup>15</sup> М.Б. Плюханова, *Блок в переписке Блоков и Качаловых*, [в:] *Александр Блок: Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 278.

<sup>16</sup> Цит. по: В.П. Енишерлов, *Жизнь без начала и конца...*

<sup>17</sup> С.Н. Тутолмина, *Мои воспоминания об Александре Блоке*, [в:] *Александр Блок в воспоминаниях...*, т. I, с. 93.

даже немного элементарно. Единственный дурно читающий профессор – Петражицкий, который отвратительно говорит по-русски и сыплет иностранными терминами, не объясняя их, хотя следовало бы ему все-таки помнить, что мы-гимназисты 8-го класса и еще не привыкли к научному языку. Георгиевский и Ефимов читают ровно и очень недурно»<sup>18</sup>.

Молодой и очень талантливый ученый польского происхождения Л.И. Петражицкий возглавлял кафедру энциклопедии права в Перербургском университете. Он действительно плохо говорил по-русски и не обладал ораторским искусством. Но А.Л. Блок понимал, для студента важнее не *как*, а *что* говорить. «О современном петербургском представителе последних, – писал он сыну о Петражицком, – я читал и слышал (от студентов) отзывы почти восторженные, на ряду с которыми не мог не придать значения и твоему». Трудности в понимании предмета Александр Львович советовал преодолевать «если не путем самообразования, то дополнительными лекциями Гессена, Кареева или иными»<sup>19</sup>.

Александр Блок прислушался к мнению отца и его отношение к Петражицкому изменилось. Позднее он писал отцу: «Наиболее интересным, но зато и очень трудным для слушания предметом мне кажется история философии права; слушаю я конечно Петражицкого, к которому уже привык отчасти на I-ом курсе; он начинает серьезно интересоваться меня как философа». По уровню преподавания на факультете лучше Сергеевича и Петражицкого, – заключал А. Блок, – «я себе представить пока не могу»<sup>20</sup>.

Обсуждение студенческих новостей продолжалось весь период обучения Блока-сына на юфаке. «II-й курс мне гораздо интереснее I-ого, – писал студент отцу, – да и профессора в общем читают как-то занимательнее. Впрочем, может быть я уже привык к университетской жизни вполне, и поэтому мне легче слушать лекции. Наиболее интересуют меня русское и государственное право. Последнее придется проходить по курсу Коркунова, чего я несколько боюсь, так как слышал, что он трудно написан»<sup>21</sup>. В письмах Блок-студент рассказывал отцу об университетских новостях, своих пристрастиях и проблемах: «Усердно занимаюсь государственным правом по курсу Коркунова, слушаю Ивановского без пропусков», «читают все хорошо, кроме Кауфмана (статистика)»<sup>22</sup>.

Отец пытался помочь сыну разобраться в государственном праве, на котором сам специализировался, присылал ему свои лекции и статьи<sup>23</sup>. Но в письмах сына-студента все чаще сквозила информация, что его больше интересует философия, театр, литература.

<sup>18</sup> Письмо А.А. Блока к отцу от 18 октября 1898 г., [в:] *Письма Александра Блока к родным*, Ленинград 1927, с. 45.

<sup>19</sup> Письмо А.Л. Блока к сыну от 12 ноября 1898 г. Неизданная переписка Блока, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 256.

<sup>20</sup> Письмо А.А. Блока к отцу от 26 сентября 1900 г., [в:] *Письма Александра Блока к родным*, с. 56.

<sup>21</sup> Письмо А.А. Блока к отцу от 20 августа 1899 г., [в:] там же, с. 46.

<sup>22</sup> Письмо А.А. Блока к отцу от 7 ноября 1899 г., [в:] там же, с. 48-49.

<sup>23</sup> Информация об этом: Письмо А.А. Блока к отцу от 26 сентября 1900 г., [в:] там же, с. 55.

К началу XX в. природные наклонности А.А. Блока победили авторитет отца. Занятия юриспруденцией перестали совсем увлекать поэта, испытывавшего, по его замечанию, «полную неспособность к практическим наукам, которые проходят на III курсе» юридического факультета. «Только перейдя на третий курс, – писал Блок в своей автобиографии, – понял, что совершенно чужд юридической науке»<sup>24</sup>. В письме от 29 сентября 1901 г. Александр Блок сообщил отцу о своем решении – перейти с юридического на историко-филологический факультет. «Сознание необходимости моих занятий до сих пор у меня отсутствовало, – объяснял он отцу, – и никаких целей (практических) я даже не имел возможности провидеть впереди, потому что был ужасно отчужден от того, что, собственно, должно быть в полной гармонии с моими душевными наклонностями. Мама очень поддерживает меня в моих начинаниях. Хотел бы знать, что думаете об этом Вы?»<sup>25</sup>. Александр Львович был несколько раздосадован, но решение сына поддержал. «Милый мой Сашура, писал он в октябре 1901 г., – мысль, теперь осуществленная Тобой, посещала и меня не раз за нынешнее лето: собирался написать Тебе о примирении „деятельности“ с созерцательно стью – в смысле перемены факультета „хлебного“ (или служебного на более литературный (и педагогический)); однако не хотел „смущать“ на случай уже состоявшегося умиротворения в обратном направлении: так можно было заключить из Мамино сообщения о „новой (твоей) ясности“ пред наступлением последнего учебного периода и из твоих стихов о „светлой темноте“ по крайней мере одного предмета, изучаемого петербургскими юристами на III курсе, а в мое время – на II-м). „И тут есть боги“ – как сказал когда-то Аристотель [...]; но, конечно, „Сотворивый мир открыт“ – не говоря о „чувстве“ – преимущественно „в разуме“ и в „лире“, почему от всей души приветствую Тебя на этом, в сущности, и „самом легком“ (т.е. благодарном – при талантах) поприще научного труда [...])»<sup>26</sup>.

Осенью 1901 г. А. Блок перешел на филологический факультет, который закончил весной 1906 г. «Университет, – отмечал А.А. Блок, – не сыграл в моей жизни особенно важной роли, но высшее образование дало, во всяком случае, некоторую умственную дисциплину и известные навыки»<sup>27</sup>.

В студенческие годы А.А. Блок стал публиковаться. В 1903 г. журнале «Новый путь» и в альманахе «Северные цветы» были напечатаны его стихи. А когда вышел в свет первый сборник Блока *Стихи о Прекрасной Даме*, он тут же отправил его отцу с письмом: «Милый папа. Сегодня получил наконец свой первый сборник, который посылаю Вам. Пока не раскаиваюсь в его выходе, тем более что „Гриф“ приложил к нему большое старание и, по-моему, вкус»<sup>28</sup>.

<sup>24</sup> А. Блок, *Автобиография*, [в:] *Собрание сочинений шести томах*, т. VI, Москва 1971, с. 94.

<sup>25</sup> Письмо Блока А.А. отцу от 29 сентября 1901 г., [в:] *Собрание сочинений*, т. VI: *Письма 1898–1921*, Москва 1983, с. 17.

<sup>26</sup> Письмо А.Л. Блока к сыну от 8 октября 1901 г. Неизданная переписка Блока, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 258–259.

<sup>27</sup> А. Блок, *Автобиография*, [в:] *Собрание сочинений шести томах*, т. VI, Москва, 1971, с. 95.

<sup>28</sup> Цит. по: В.П. Енишерлов, *Жизнь без начала и конца...*

Стихи он посылал отцу и раньше, и они радовали его. В письме 1892 г. Александр Львович писал сыну: «Присланные в нынешнем и в прошлом году твои стихотворения доставили мне большое удовольствие, как и частые известия о твоих добровольных склонностях к наукам и искусствам»<sup>29</sup>. А.Л. Блок пристально следил за творчеством сына, более того, он знал его стихи наизусть. «Стихи сына, – отмечал его племянник Г.П. Блок, – все знал. Особенно любил стихи о России»<sup>30</sup>. Однако на первый опубликованный сборник стихов А. Блока Александр Львович отреагировал весьма язвительно. На отрезном купоне денежного перевода на сто рублей он прислал едкий рифмованный ответ:

Благодарю за присланную книгу  
Со «стихами о Прекрасной Даме».  
Но, смотря в нес, все «видят фигу»  
И готовы чувствовать себя в Бедламе.  
Мое (другой размер) «духовное родство»  
Мне лично страха не внушает;  
Скорее кровный смысл его  
Для публики меня смущает...  
- Напрасно, говорят мне, Вы  
еще даёте деньги сыну:  
Ведь он теперь, в виду молвы,  
Богаче Вас на половину (?).  
Профессорское имя – верный клад:  
«Кривляню на распутьях» -  
род рекламы;  
«Как летом вкусный лимонад»,  
Раскупят рыцари мудреной «Дамы»!  
Не доверяя распродаже –  
При репутации своей  
(Добровольно скромной, темной даже),  
«Спешу» отправить – сто рублей<sup>31</sup>.

Интересный эпизод встреч отца и сына, касающийся отношения к творчеству юного поэта запомнился и Софье Николаевне Качаловой (Тутумлиной). «Однажды Александр Львович, приехав из Варшавы, сейчас же вызвал сына. „Ты должен выбрать себе какой-нибудь псевдоним, – говорил он Саше, – а не подписывать свои сочинения, как я: ‘А. Блок’. Неудобно мне, старому профессору, когда мне приписывают стихи о какой-то Прекрасной Даме. Избавь меня, пожалуйста, от этого”. Саша стал подписываться с тех пор иначе»<sup>32</sup>.

<sup>29</sup> Письмо А.Л. Блока к сыну от 14 ноября 1892 г. Неизданная переписка Блока, [в:] Александр Блок. *Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 255.

<sup>30</sup> Г.П. Блок, *Герои, Возмездия*, «Русский современник» 1924, № 3, с. 177.

<sup>31</sup> Письмо А.Л. Блока к сыну (ноябрь 1904 г.). Письма отца к Блоку, [в:] Александр Блок. *Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 271.

<sup>32</sup> С.Н. Тутумлина, *Мои воспоминания об Александре Блоке*, [в:] Александр Блок в воспоминаниях..., с. 93.



В отечественном блоковедении высказывается несколько точек зрения, почему так изменилось отношение Александра Львовича к творчеству сына. По мнению В.П. Ернишелова, Александр Львович, «воспитанный на классических образцах русской поэзии, – поклонник Пушкина, Лермонтова, Фета – не смел уловить музыки первой книги сына»<sup>33</sup>. Юношеские стихи Блока, – вспоминала М.А. Бекетова, – посылаемые отцу не вызвали у него «ничего кроме холодной насмешки и довольно едкой критики. [...] Быть может, – задавалась она вопросом, – это был просто педагогический прием? Этот вопрос остается неразрешимым»<sup>34</sup>.

Т.Н. Конопацкая считает, что причиной охлаждения и язвительности А.Л. Блока явилась обида на сына, причин которой было несколько. В апреле 1903 г. он послал 1000 рублей «на предстоящую необходимую поездку за границу и на свадьбу, побуждающую от души желать Тебе с невестой возможно полного благополучия»<sup>35</sup>. Однако приглашения на венчание, он так и не получил. Свою обиду Александр Львович не скрыл, в июле 1903 г. он упрекал сына, что является для него «настолько посторонним человеком, что, указывая день венчания (когда-то бывший днем рождения Екатерины Андреевны и моего покойного отца, Тебя крестившего), не «зовешь» в деревню, а его «родных не хочешь знать»<sup>36</sup>.

Нельзя не учитывать, – полагает Т.Н. Конопацкая, – и обиду Александра Львовича на невнимание сына к его творчеству. Когда он получил книгу сына, понял, «что тот так и не прочел его труд, бывший очевидно среди тех, статей и лекций, о которых Блок писал ему в письме от 26 сентября 1900 г.: «Не знаю, когда мне удастся прочесть все это»<sup>37</sup>.

Александр Блок всегда был холоден к отцу. Все попытки отца «достучаться» до него и через внимание к интересам и склонностям ребенка, родительский совет, попытку увлечь собственными интересами, бесконечную материальную помощь и др., не увенчались успехом. Отец даже в стиле своих писем сложных, замысловатых, порой рифмованных пытался соответствовать поэтическому таланту сына. Стилистические поиски пожилого профессора, попытка придать письмам интонационную выразительность (через подчеркивание, многоточие, многочисленные скобки, кавычки и др.) были рассчитаны на передачу душевных переживаний и понимание стилистически одаренного сына. Его письма другим адресатам отличались большей понятностью и простотой.

Блок же оставался безразличным к душевным порывам своего отца и относился к нему эгоистически. Большинство писем поэта отцу начиналось со

<sup>33</sup> В.П. Ернишелов, *Жизнь без начала и конца...*

<sup>34</sup> М. Бекетова, *В цепях тягостной свободы...*, «Роман-газета» 2005, № 2, [online] <file:///F:/Роман-газета.htm>, с. 36.

<sup>35</sup> Письмо А.Л. Блока к сыну (апрель 1903 г.). Письма отца к Блоку, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 262.

<sup>36</sup> Письмо Блока А.Л. к сыну (июль 1903 г.). Письма отца к Блоку, [в:] там же, с. 263.

<sup>37</sup> Т.Н. Конопацкая, *Предисловие. Письма отца к Блоку (1892–1908)*, [в:] там же, с. 254.

слов благодарности за присланные деньги и просьбы прислать еще. Даже во взрослом возрасте он с готовностью принимал денежные переводы, но не проявлял той душевной теплоты, которой отец ждал от него. За несколько месяцев до смерти Александр Львович писал сыну: «буду ждать ближайших указаний от тебя и для определения размеров помощи (три падежа „родительных”!), соединенной – как всегда – с отцовскою привязанностью; вероятно и с приездом в Петербург (на Пасху или раньше)»<sup>38</sup>. Александр Блок отказал отцу даже в этом. «На днях, – писал он матери 25 января, – было письмо от Ал. Львовича – декадентское; с какой-то иронией, как всегда, немножко жалкое, запутанное, предлагает, насколько можно понять, денег и обещает приехать к Пасхе»<sup>39</sup>. Когда Александр Львович приехал поэт под благовидным предлогом (срочный вызов на совещание) постарался избежать свидания, признавшись матери: «Господи, как с ним скучно и ничего нет общего»<sup>40</sup>.

А общего в этот период было действительно мало. Идейные разногласия стали отчетливо проявляться уже в начале XX в. Несовпадение ценностных ориентиров отца и сына выразилось в их отношении к Церкви, новым религиозно-философским учениям, формам и задачам государственного преобразования.

Александр Львович был «глубоко верующим» православным человеком, «идейным патриотом»<sup>41</sup> и государственным деятелем, членом «Союз русского народа» – крупнейшей организации, созданной в начале XX века и выступавшей за единство и нераздельность России, сохранение самодержавия, единение его с народом в совещательном органе.

Александр Блок в своем творческом поиске он шел вне Церкви и презирал существующий режим. Политика как таковая А.А. Блока не увлекала, но, не принимая традиционных форм русской государственности, поддерживаемых Церковью, он желал их обновления. Он был революционером в творчестве, полагавшем, что искусство должно способствовать преобразению государственной формы.

В юношеский период он был увлечен идеями поэта и философа Владимира Соловьева, его концепцией всеединства и учением о Софии, Премудрости Божией. Софиология Владимира Соловьева, как известно, была проникнута еретическими мотивами о четвертой ипостаси Бога, сливавшейся с вечно женственными образами Софии и Богородицы.

А.А. Блок в своем искусстве стал одним из первых воплощений софианских идей. Именно к философии Соловьева восходит тема «Вечной женственности», получившая воплощение в поэзии Блока, что особенно ярко проявилось в первой книге, вызвавшей столь ироничную оценку со стороны отца. Александр Львович любил поэзию, но был воспитан на ее классических

<sup>38</sup> Письмо А.Л. Блока сыну (январь 1908 г.). Письма отца к Блоку (1892-1908), [в:] там же, с. 273.

<sup>39</sup> Письмо А.А. Блока матери от 25 января 1908 г., [в:] *Письма Александра Блока к родным*, с. 191.

<sup>40</sup> Письмо А.А. Блока матери от 17 апреля 1908 г., [в:] там же, с. 205–206.

<sup>41</sup> *Некролог*, «Варшавский дневник» 2 декабря 1909, № 333, с. 2.

образцах, поэтому остался холоден к символизму. Е.С. Герцог вспоминала, что однажды после встречи с сыном, А.Л. Блок приехал Петербурга «не радостный, а, скорее, сумрачный. Жаловался на „избыток” символизма в сыне. Символизма, которого он не понимал, и видел между сыном и собой пропасть и это очевидно его огорчало»<sup>42</sup>.

В переписке отца и сына Блоков обнаружилось и их различное отношение к проблеме реформирования Церкви, к которому призывала интеллектуальная элита начала XX в.

Взросление А.А. Блока пришлось на период усиления интереса российской интеллигенции к религиозным вопросам. Эту черту эпохи писатель и философ Д.С. Мережковский назвал рождением «нового религиозного сознания», проявлением которого стало появление русской религиозной философии и нового искусства, во многом обращавшегося в религиозной тематике.

Тенденция религиозного пробуждения интеллигенции нашла отражение в «Религиозно-философских собраниях», которые проходили в Петербурге 1901–1903 гг. Русская Православная Церковь пыталась на них воцерковить интеллигенцию, а та в свою очередь призвать Церковь к реформации и «обновлению» христианства. Идея организации собраний принадлежала группе литераторов З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому, Д.В. Filosoфову, В.В. Розанову, В.С. Миролубову и В.А. Тернавцеву, которые обратились с таким предложением к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву. Согласно замыслу организаторов, в ходе собраний должны были обсуждаться животрепещущие вопросы религиозно-гражданской жизни.

Со стороны Церкви вдохновителем собраний был митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), а председательствовал на них епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси. Интеллигенцию преимущественно представляли так называемые декаденты, – по выражению Мережковского, – «первые в русском образованном обществе вне всякого церковного предания самозародившиеся мистики»<sup>43</sup>. Декадентская мистика основывалась на учении Владимира Соловьева о Софии. Русских декадентов соблазняла мысль синтеза христианства и язычества. Последствия подобного синтеза и такого мистического опыта как раз отчетливо видны в творчестве А.А. Блока, в котором «София становится Прекрасной Дамой, причудливо перерождаясь в блудницу-Незнакомку»<sup>44</sup>.

В ходе заседаний обнаружилось несовпадение взглядов Церкви и интеллигенции на цели и результаты проводившихся встреч. «В замысле *Собраний*, – отмечал протоиерей Георгий Флоровский, – была неизбежная двусмысленность. И задачу собраний стороны понимали очень по-разному. „Духовные власти” разрешали их

<sup>42</sup> Е. С. Герцог, *Отец поэта Блока*, [в:] Александр Блок. *Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 305.

<sup>43</sup> Цит. по: В. Зеньковский, *История русской философии*, кн. 2, ч. 2, Ленинград 1991, с. 56.

<sup>44</sup> Епископ Тихвинский Константин, *Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний*, «Журнал московской патриархии» 2003, № 1, [online] <[www.jmp.ru/jmp/03/01-03/16.htm](http://www.jmp.ru/jmp/03/01-03/16.htm)>.

скорее по миссионерским соображениям. Интеллигенты же ожидали от Церкви нового действия, ожидали новых откровений, еще нового завета»<sup>45</sup>. Церкви предлагалось пересмотреть отношение к православным догматам, к еретическим учениям, к государственной власти и браку, и тем самым преодолеть некий «внутренний кризис», якобы мешающий Русской Православной Церкви исполнить «великую задачу общественного спасения».

Рупором интеллектуальной элиты стал журнал «Новый путь» (1903–1904), возникший как непосредственное развитие идеи религиозно-философских собраний, в нем печатались протоколы *Собраний*, работы на религиозные темы, художественные произведения. Александр Блок был связан с этим журналом, в литературном отношении пропагандировавшем эстетические принципы символизма. Поэтический дебют А. А. Блока состоялся там в марте 1903.

С Мережковскими А.А. Блок познакомился в 1902 г. и сразу попал под их влияние, что нашло отражение в его дневниковых записях<sup>46</sup> и письмах. Мережковские, – писал поэт отцу, – «меня очень интересуют с точек зрения религии и эстетики»<sup>47</sup>. «Внешнее мое прикосновение к мирам „иным” и литературным, – заключается теперь в переписке с Зин. Гиппиус (женой Мережковского), которая уже взяла два моих стихотворения в новый журнал „Новый путь” [...]. Переписка очень интересна, вполне мистична, так что почти не выходит из круга умозрения (опять-таки – современного, в духе Дм. С. Мережковского)»<sup>48</sup>.

Увлечение А.А. Блока мистикой разделяла и его мать. «Этот период ее жизни, – отмечала ее сестра М.А. Бекетова, – был отмечен по преимуществу мистическим, религиозным характером. [...] Ее не удовлетворяло обычное отношение к религии, она искала нового направления и новых путей»<sup>49</sup>. Александра Андреевна «ревностно посещала религиозно-философские собрания, с надеждой и верой слушая дебаты Мережковского и других неохристиан с представителями официальной церкви. Всем сердцем чувствовала она, что современная жизнь требует коренного обновления и, полагая, что это обновление должно быть религиозным, искала новых путей в религии»<sup>50</sup>.

Александр Львович взглядов сына и бывшей жены не разделял. Он интересовался интеллектуальными событиями, происходившими в Санкт-Петербурге, но воспринимал их далеко не так восторженно. В апреле 1903 г. А.Л. Блок сообщал сыну, что университет выписал «всякие журналы с октября на следующий год», но «еще не получает „Нового пути”». Александр Львович

<sup>45</sup> Протоиерей Георгий Флоровский, *Пути русского богословия*, ч. II: *На пути к катастрофе. (Кризис церковной культуры)*, [online] <<http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/florovsky/path2/30.html>>.

<sup>46</sup> Из дневников и записных книжек. 1902 г., [в:] А. Блок, *Собрание сочинений: в 6-ти т.*, т. 5, Художественная литература, Москва 1980, с. 97-99.

<sup>47</sup> Письмо А.А. Блока к отцу от 4 июня 1902 г., [в:] *Письма Александра Блока к родным*, с. 75.

<sup>48</sup> Письмо Блока А.А. отцу от 29 сентября 1901 г., [в:] *Собрание сочинений шести томах*, т. VI: *Письма 1898-1921*, Ленинград, 1983, с. 17.

<sup>49</sup> М.А. Бекетова, *Блок и его мать*, [в:] *Воспоминания об Александре Блоке...*, с. 308.

<sup>50</sup> Там же, с. 311.

считал, что деятельность новых журналов направлена на погибель государственным заветам обновляемого (?) ныне вовсе не в религиозных общих интересах (тех же узковатых духом разноверцев) православия; отсюда, – отмечал он, – „оживленный” интерес и к мнимой „философии” – в ущерб науке»<sup>51</sup>.

Своим отношением к попыткам философствующей интеллигенции обновить православие Александр Львович был близок к св. прав. Иоанну Кронштадтскому. «Россия, – предупреждал Иоанн Кронштадтский, – если ты отпадешь от своей веры, как уже отошли от нее многие интеллигенты, не будет тебе счастья. Накажет тебя Господь, отнимет Православного Царя и пошлет самозванных правителей, которые зальют страну кровью»<sup>52</sup>.

К сожалению, представители православного духовенства, за исключением св. Иоанна Кронштадтского, не дали церковно-канонической оценки новым еретическим учениям, озвученным и обсужденным на собраниях. Только после его выступления в печати «О старом и новом пути спасения» в марте 1903 постановлением К.П. Победоносцева от 5 апреля 1903 г. «Религиозно-философские собрания» были закрыты.

Нависла угроза и над журналом. «Новый путь», – сообщал А.А. Блок отцу, – «чуть не прикрыли из-за происков иерархии обеих столиц и министра внутренних дел»<sup>53</sup>. В ответ на это он получил от Александра Львовича письмо с совершенно иным взглядом на происходящее. «Политическими „происками”, – писал Блоку отец, – занимаются у нас не „министерства” и „иерархия”, а многочисленные „разноверцы”, извлекающие (*Dei gratia et hominum stultitia*) немало барышей из оградившей их таможнями от них же русской государственности – не прощая ей ее основ духовных, обещающих „веселие” (не в польском смысле слова) „мученикам”: так поется при „ликующем Исани”, тогда как слишком обесцениваемые „ищущим” (не „голубиново”, а несколько поверхностного) смысла критиком „еврейские поверья” учат „одождать народы” – с тем, чтобы господствовать над ними (по „Второзаконию”)<sup>54</sup>.

К мнению отца Александр Блок оставался равнодушен. Все, связанное с отцом, тогда казалось ему чужим. «Из семьи Блоков я выродился. Нежен. Романтик. Но такой же кривляка»<sup>55</sup>, – написал он в своем дневнике в июле 1903 г.

Подводя итоги 1903 г., в письме отцу он вновь вступился за журнал и его издателей. Благодаря ему, – отмечал он, – современной литературе, появились «книти истинного Ренессанса. „Новый путь” при всех его недостатках делает

<sup>51</sup> Речь также шла о журнале «Северный вестник». См. Письмо А.А. Блока сыну (апрель 1903 г.), Письма отца к Блоку, [в:] Александр Блок. *Новые материалы и исследования...*, с. 262.

<sup>52</sup> Цит. по: Епископ Тихвинский Константин, *Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний*, «Журнал московской патриархии» 2003, № 1, [online] <[www.jmp.ru/jmp/03/01-03/16.htm](http://www.jmp.ru/jmp/03/01-03/16.htm)>.

<sup>53</sup> Письмо А.А. Блока сыну (апрель 1903 г.). Письма отца к Блоку, [в:] Александр Блок. *Новые материалы и исследования...*, с. 262.

<sup>54</sup> Там же, с. 264.

<sup>55</sup> А. Блок, *Из дневников и записных книжек*, [в:] *Собрание сочинений шести томах*, т. V: *Письма 1898–1921*, Ленинград 1982, с. 104.

свое дело, а в нынешней январской книжке расцвел, как никогда. [...] Все события (и предшествующие им литературные связи и знакомства) составляют для меня приятный в конце концов итог 1903 г. – литературном отношении»<sup>56</sup>.

В ответ на это письмо Александр Львович съездив: «Нынешнее наше стихотворство [...] – полезная или „приятная“ [...] журнальная макулатура будущей утонченной поэзии», в ней «много смелых музыкальных оборотов сжатой речи (главная заслуга [...] символистики), и мало еще [...] точного значительного [...] содержания»<sup>57</sup>.

Однако, несмотря на внешнюю язвительность и разницу во взглядах на происходящее, отец гордился своим сыном и продолжал попытки сблизиться с ним. Об этом свидетельствует его желание познакомить Александра Блока, тогда еще студента, со своим близким и очень талантливым учеником Е.В. Спекторским. «На этих днях, – писал он сыну 23 марта 1905 г., – поехал в Петербург Евг. Вас. Спекторский – бывший ученик мой, а теперь доцент „энциклопедии“ в Варшавском университете – и хотел быть, между прочим, у Тебя (отчасти по моей же инициативе). Чтобы избежать пустого и притом далекого визита, не уведомишь ли Ты его немедленно письмом: в какие дни или часы (преимущественно вечерние) удобнее Вам познакомиться и побеседовать (без всяких специальных от меня инструкций)»<sup>58</sup>.

Судьбоносной эта встреча не стала. Поэт сообщил отцу: «Я познакомился с Е.В. Спекторским [...] Е.В. мне понравился, мы хорошо разговаривали. Он – милый»<sup>59</sup>.

Идейные разногласия, различное отношение к происходящим в стране политическим событиям, непонимание друг друга у отца и сына сохранились до самой смерти Александра Львовича.

В революционный 1905 г., когда большинство вузовской профессуры, увлеченное либеральными идеями, поддерживало студенческие выступления, позиция А.Л. Блока была скорее исключением. В те годы редко кто, как, например, академик-славист А.И. Соболевский в Санкт-Петербургском университете или математик Л.К. Лахтин в Московском университете, оставался до конца верным режиму. Позиция таких ученых была очень непопулярной у студенческой молодежи, их презирали, над ними глумились, их подвергали обструкции. Профессор А.Л. Блок был из них, своих убеждений он тоже не менял, он «всегда, – писала про него газета „Варшавское утро“, – был последовательным националистом. Даже в тяжелые дни 1905 г. он остался верен своим взглядам, в то время как многие его сторонники склонялись влево или вправо в зависимости от обстоятельств. Словом, это был противник открытый

<sup>56</sup> Письмо Блока А.А. отцу от 30 декабря 1903 г., [в:] *Собрание сочинений шести томах*, т. VI: *Письма 1898–1921*, Ленинград 1983, с. 59–61.

<sup>57</sup> Письмо А.Л. Блока сыну январь – февраль 1904 г. Письма отца к Блоку, [в:] *Александр Блок. Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 1, с. 268–269.

<sup>58</sup> Письмо А.Л. Блока сыну 23 марта 1905 г. Письма отца к Блоку, [в:] там же, с. 272.

<sup>59</sup> Цит. по: Письма Блока к Е.В. Спекторскому, [в:] там же, с. 299.

и идейный»<sup>60</sup>. По мнению польского историка Адама Галиса, эта посмертная статья в газете была «составлена очень осторожно, видимо, из опасения перед цензурой» и «свидетельствовала о том, что покойный играл какую-то роль в политической жизни русских кругов в Варшаве. У него были свои сторонники, были и противники, относящиеся к нему с уважением». «Последовательный националист, – отмечал А. Галис, – сочувствовал так называемым „октябристам”»<sup>61</sup>.

С 1905 по 1908 г. из-за студенческих беспорядков Варшавский университет не работал. В революционный период это не было исключительным событием, закрывались многие вузы страны, в том числе и Санкт-Петербургский, где учился А. Блок. Александра Львовича политические события, происходившие в этот период в стране, очень волновали. При этом он не оставался сторонним наблюдателем. Его интересовала и теория и практика политической жизни. Он напряженно работал над исследованием *Политика в кругу наук*. При этом будучи юристом «он, – по выражению его ученика Е.В. Спекторского, – задыхался в холодной, разряженной атмосфере чисто правовых понятий»<sup>62</sup>, полагая, что «кто знает только государственное право, тот не знает даже и государственного права»<sup>63</sup>. Он разделял известное выражение М.П. Погодина, что «при чрезмерном юридическом воззрении К.Д. Кавелина на русскую историю, в ней не окажется места для св. Сергия»<sup>64</sup>. Для него действующие нормативно-правовые акты публичного характера не давали полного представления о государственной жизни. Государственную науку (политику) он понимал гораздо шире, чем сугубо государственное право.

В 1907 г. он принял непосредственное участие в политике, выставив свою кандидатуру в Государственную думу от «Союза русского народа»<sup>65</sup>, и по воспоминаниям современников очень остро переживал свой провал<sup>66</sup>.

Для характеристики политических убеждений Александра Львовича интересны воспоминания его племянника Г.П. Блока о встрече с ним в 1908 г. и беседе о научных и политических проблемах. Георгия Петровича, тогда студента юридического факультета, «поразил необычайно широкий охват его учености и вызывающая едкость суждений»<sup>67</sup>. Он показался Г.П. Блоку «убежденнейшим, безоговорочным консерватором», им была выработана, отмечал мемуарист, «целая система политического мышления с бурным антисемитизмом во главе угла»<sup>68</sup>.

---

<sup>60</sup> Цит. по: А. Галис, *18 дней Александра Блока в Варшаве. Исследование. Перевод Евгения Невякина*, «Северная-Аврора» 2009, № 9, [online] <[www.avtora-lukin.ru/](http://www.avtora-lukin.ru/)>.

<sup>61</sup> Там же.

<sup>62</sup> Е.В. Спекторский, *Александр Львович Блок, государствовед и философ*, Варшава 1911, с. 27.

<sup>63</sup> Там же, с. 29.

<sup>64</sup> Там же, с. 27.

<sup>65</sup> В.Н. Орлов, *Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая*, ЗАО Изд-во Центрполграф, Москва 2001, с. 36.

<sup>66</sup> И.Б. Березарк, *Отец Александра Блока*, «Русская литература» 1977, № 3, с. 191.

<sup>67</sup> Г.П. Блок, *Герои «Возмездия»*, «Русский современник» 1924, № 3, с. 176.

<sup>68</sup> Там же.

А.А. Блок отцовских переживаний и убеждений не принимал. «Отношение мое к „освободительному движению“, – писал он отцу, – выразалось, увы, почти исключительно в либеральных разговорах и, одно время, даже в сочувствии социал-демократам. Теперь отхожу все больше, впитав в себя все, что могу („общественности“), отбросив то, чего душа не принимает. А не принимает она почти ничего такого, – так пусть уж займет свое место, то, к которому стремится. Никогда я не стану ни революционером, ни „строителем жизни“, и не потому, чтобы не видел в том или другом смысла, а просто по природе, качеству и теме душевных переживаний»<sup>69</sup>.

Консерватизм Александра Львовича, его религиозность зывали у молодого Блока лишь раздражение. Отец казался ему чужим, скучным и далеким от жизни человеком. «Последнее письмо отца свидетельствует, – писал он матери в январе 1908 г., – о его набитости задними мыслями отвлеченного, теоретического, филологического, какого угодно характера – только не жизненного»<sup>70</sup>, а несколько позже: «как с ним скучно и ничего нет общего»<sup>71</sup>. В этот период А. Блока раздражал не только отец. Неприятие у него вызвали даже христианские праздники. «Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) все больше унижают меня; как будто, и в самом деле, происходит что то такое, чему я глубоко враждебен»<sup>72</sup>.

Близкое знакомство Александра Блока с отцом произошло только после смерти Александра Львовича. Лишь тогда поэту открылся масштаб его личности. Он по-иному понял отца и полюбил его.

Да, сын любил тогда отца  
Впервой – и, может быть, в последний,  
Сквозь скуку панихид, обедней,  
Сквозь пошлость жизни без конца...<sup>73</sup>.

О болезни Александра Львовича А.А. Блоку почти одновременно сообщили Е.В. Спекторский и М.Т. Беляева. 17 ноября 1909 г. он получил письмо от Е.В. Спекторского о том, что его отец при смерти. Поэт практически сразу ответил, что об этом он «узнал еще вчера от М.Т. Блок», которая срочно «едет в Варшаву»<sup>74</sup>. Блок ехать туда не торопился. «Свой отъезд в Варшаву, – писал он, – я как-то еще внутренне склонен откладывать. Может быть, ведь это и вовсе неприятно ему? С другой стороны, если я приеду, он несомненно поймет, что умирает»<sup>75</sup>. Лишь после мучительных раздумий и повторного сообщения, что

<sup>69</sup> Письмо от А.А. Блока отцу от 30 декабря 1905 г., [в:] *Собрание сочинений: В шести томах*, т. 6: *Письма 1898–1921*, Ленинград 1983, с. 89.

<sup>70</sup> Письмо А.А. Блока матери 30 января 1908 г., [в:] там же, с. 138.

<sup>71</sup> Письмо А.А. Блока матери от 17 апреля 1908 г., [в:] *Письма Александра Блока родным*, с. 205.

<sup>72</sup> Письмо А.А. Блока к матери от 15 апреля 1908 г., [в:] там же, с. 204.

<sup>73</sup> А. Блок, *Возмездие*, [в:] *Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы 1907–1921*, т. 3, «Государственное издательство художественной литературы», Москва 1960, с. 335.

<sup>74</sup> Письмо А.А. Блока Е.В. Спекторскому 19 ноября 1909 г. Письма А.А. Блока Е.В. Спекторскому, [в:] *Александр Блок: Новые материалы и исследования...*, т. 92, кн. 2, с. 305.

<sup>75</sup> Цит. по: Вступительная статья, публикация и комментарии С.Б. Шеломова. Письма А.А. Блока Е.В. Спекторскому, [в:] там же, с. 299.



«на выздоровление отца уже нет никакой надежды», он принял решение. 30 ноября Александр Блок выехал из Петербурга и прибыл в Варшаву 1 декабря, когда отца в живых уже не было в живых<sup>76</sup>.

Пребывание А.А. Блока в Варшаве исследовано польским историком А. Галисом, детально восстановившем картину его встреч, дел и писем за эти 18 дней и представившем историю знакомства сына с таким родным и таким незнакомым ему человеком<sup>77</sup>. «Из всего, что я здесь вижу, – писал поэт матери 4 декабря 1909 г., – и через посредство десятков людей, с которыми непрестанно разговариваю, для меня выясняется внутреннее обличье отца – во многом совсем по-новому. Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры... Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула»<sup>78</sup>.

Позднее, в поэме *Возмездие*, вариантом названия которой было – «Отец», А.А. Блок изложил свое представление об эволюции мировоззрения Александра Львовича. Для него это была «трагическая судьба некогда исключительно личности, низвергнувшейся в конце жизни в бездну»<sup>79</sup>.

В предисловии к ней он писал: «Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий „демон“, первая ласточка „индивидуализма“, человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порывами и стремлениями»<sup>80</sup>.

В начале жизненного пути молодой «демон» очень симпатичен поэту:

Потомок поздний поколений,  
В которых жил мятежный пыл  
Нечеловеческих стремлений, –  
На Байрона он походил<sup>81</sup>.

Ему были близки ценности мятежного времени.

Свобода, право, идеал –  
Всё было для него не шуткой,  
Ему лишь было втайне жутко:  
Он, утверждая, отрицал  
И утверждал он, отрицая<sup>82</sup>.

<sup>76</sup> В.И. Новиков, *Александр Блок*, Молодая гвардия, Москва 2010, с. 192–193.

<sup>77</sup> См.: А. Галис, *18 дней Александра Блока в Варшаве*, «Северная-Аврора» 2009, № 9, [online] <[www.avtora-lukin.ru/](http://www.avtora-lukin.ru/)>.

<sup>78</sup> Цит. по: там же.

<sup>79</sup> В.П. Енишерлов, *Жизнь без начала и конца...*

<sup>80</sup> А. Блок, *Возмездие*. Предисловие, [в:] *Собрание сочинений в восьми томах. Стихотворения и поэмы 1907–1921 гг.*, т. 3, «Государственное издательство художественной литературы», Москва 1960, с. 298.

<sup>81</sup> Там же, с. 332.

<sup>82</sup> Там же, с. 323.

Однако в годы активизации революционного народничества, которое поэт изображал восторженно: «юности с нимбом вокруг лица», и разгула террора герой *Возмездия* ушел в себя, его увлекала только наука.

Аресты, обыски, доносы  
И покушенья – без числа...  
И книжной крысой настоящей  
Мой Байрон стал средь этой мглы;  
Он диссертацией блестящей  
Стяжал отменные хвалы  
И принял кафедру в Варшаве.  
Готовясь лекции читать,  
Запутанный в гражданском праве,  
С душой, начавшей уставать [...]»<sup>83</sup>.

К началу XX в. «ласточка индивидуализма», человек, „похожий на Байрона» отказался от радикализма, глубоко уверовал в Бога, «поправел», вступил в «Союз русского народа». «Бывший богоненавистник, – подводил итог Г.П. Блок, – обрел в старческие годы [...] строго-церковную, богомольную веру»<sup>84</sup>. Поэт оценил эту перемену, как трагедию некогда яркой личности. «В третьей главе, – отмечал он в предисловии к поэме, – описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим „демоном”, в какую бездну упал этот яркий когда-то человек»<sup>85</sup>.

Презревши молодости пыл,  
Сей Фауст, когда-то радикальный,  
«Правел», слабел... и всё забыл;  
Ведь жизнь уже не жгла – чадила,  
И однозвучны стали  
Слова: «свобода» и «еврей»...»<sup>86</sup>.

Такой взгляд на судьбу отца объясняется собственными общественно-политическими и философскими поисками А.А. Блока. Свою поэму в позднем предисловии он назвал полной революционных предчувствий<sup>87</sup>. Предвосхищая рождение новой России, поэт обличал старую. В одном из писем к матери, рассказывая о работе над *Возмездием*, Блок писал, что его новая поэма «пропитана яростной ненавистью к царскому правительству». «Единственный общий враг наш – российская государственность, церковность»<sup>88</sup>.

Нельзя не согласиться с А.А. Соболевской, что в поэме со всей страстностью, «прозвучало отрицание традиций русской национальной культуры и обличение

<sup>83</sup> Там же, с. 295–300.

<sup>84</sup> Г.П. Блок, *Герои «Возмездия»*, «Русский современник» 1924, № 3, с. 177.

<sup>85</sup> А. Блок, *Возмездие. Предисловие*, [в:] *Собрание сочинений в восьми томах...*, т. 3, с. 299.

<sup>86</sup> Там же, с. 339.

<sup>87</sup> Там же, с. 295.

<sup>88</sup> Письмо А.А. Блока матери 13 апреля 1909 г. Письма 1898-1921, [в:] *Собрание сочинений в шести томах*, т. 6, Ленинград 1983, с. 164.

всех форм общественной жизни России: офицерства, дворянства, государственности»<sup>89</sup>. Поэт в отличие отца не принимал традиционной формы русской государственности, поддерживаемой Церковью, «против которой, – отмечает Соболевская, – он воевал, пожалуй, как никто другой в то время, с какой-то иступленной ненавистью»<sup>90</sup>.

Подтверждения этому есть в ряде посланий родным и знакомым в период работы над поэмой, в которых Блок писал о своем неприятии монархической и православной России. «Современная русская государственная машина, – делился с философом В.В. Розановым своими мыслями поэт, – есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость, семидесятилетний сифилитик, который пожатием руки заражает юношескую руку. Революция русская в лучших ее представителях – юность с нимбом вокруг лица. Пускай даже на не созрела, пускай часто отрочески не мудра, – завтра возмужает. Ведь это ясно, как божий день»<sup>91</sup>. Нам завещана, – заключал он, – концепция живой, могучей и юной России», заветы которой хранятся «только в сердцах тех, которые тревожно открыты, в мыслях, которые вбирают в себя эту концепцию, как свежий воздух»<sup>92</sup>.

Зараженному революционным романтизмом поэту судьба отца – некогда «демона», ласточки «индивидуализма», человека с «нездешними порывами и стремлениями», но презревшего идеалы юности и ставшего к концу жизни «идейным патриотом», государственнымником, глубоко верующим человеком, казалась возмездием.

## Summary

### ***“Sons are embodied in fathers”: development of interrelations of a father and a son Bloks***

Key words: A.A. Blok, A.L. Blok, poet, law scholar, professor, Imperial University of Warsaw, religious-philosophical meetings, orthodoxy, ideology.

The article is dedicated to the development of interrelations of a Great Russian poet Alexander Alexandrovich Blok and his father Alexander Lvovich Blok – a talented international law scholar, philosopher, professor and dean of the law faculty of Imperial University of Warsaw. In this work the aspects of son's and father's world view are being researched and revealed; these aspects reflect the acute crisis of pre-revolutionary and revolutionary period in Russia in the late XIX – early XX centuries.

<sup>89</sup> А.А. Соболевская, *Возмездие*, [в:] *Последний поэт Империи. 120 лет со дня рождения А.А. Блока*, под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Ростов н/Д, 2001, с. 135.

<sup>90</sup> Там же, с. 132–133.

<sup>91</sup> Письмо А.А. Блока В.В. Розанову 17 февраля 1909 г. Письма 1898–1921, [в:] *Собрание сочинений в шести томах*, т. 6, Ленинград 1983, с. 160–161.

<sup>92</sup> Там же, с. 161.